

перспективных средств, которые будут способны это обеспечить.

Список использованной литературы:

1. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2010. – 400 с.
2. Винник О.М. Системный подход к разрешению проблемы гармонизации публичных и частных интересов в хозяйственной деятельности / О. М. Винник // Социальная роль права: история и перспективы : материалы междунар. конф. / под ред. Ю.И. Скуратова. – М., 2003. – С. 88–100.
3. Соловьев В.А. Частный и публичный интересы субъектов налоговых правоотношений : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» / В.А. Соловьев. – М., 2002. – 194 с.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
5. Иеринг Р. Борьба за право / Р. Иеринг ; пер. с нем. П.П. Волкова. – М. : изд. К.П. Солдатенкова: тип. Грачева и К., 1874. – 78 с.
6. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Я.М. Магазинер ; отв. ред. А.К. Кравцов. – СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2006. – 352 с.
7. Усенко С.А. Процесуальне регулювання вирішення податкових спорів / С.А. Усенко [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/UZTNU_law/2010_1/27_usenko.pdf.
8. Миронова С.М. Механизм разрешения налоговых споров в Российской Федерации (финансово-правовой аспект) : [монография] / С.М. Миронова. – М., 2007. – 270 с.
9. Роздайбіда А.А. Забезпечення балансу інтересів при вирішенні податкових спорів : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» / А.А. Роздайбіда. – Запоріжжя, 2015. – 198 с.
10. Балакина А.П. Частные и публичные субъекты в налоговом праве: вопросы взаимодействия / А.П. Балакина ; отв. ред. О.Н. Горбунова. – М. : ТК Велби, 2005. – 203 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В УКРАИНЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (XV – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Роман МОВЧАН,

доцент кафедры конституционного, международного и уголовного права
юридического факультета
Донецкого национального университета

Summary

The article presents the deep and comprehensive analysis of the state of the criminal law protection of land resources in the Ukraine during their stay a large part of its territory as a part of the modern Russian feudal state (XV – XIX century). Consistently analyzes the features of the regulation of responsibility for crimes in the sphere of land relations in Law in 1497 and 1550's, the Council Code 1649, Rights, which is suing the Little Russian people in 1743, as well as other sources of criminal law.

Key words: land, criminal law protection, criminal liability.

Аннотация

В статье осуществлен глубокий и всесторонний анализ состояния уголовно-правовой охраны земельных ресурсов в Украине во времена пребывания значительной части ее современной территории в составе российского феодального государства (XV – начало XIX века). Последовательно анализируются особенности регламентации ответственности за преступления в сфере земельных отношений по Судебникам 1497 и 1550 гг., Соборному Уложению 1649 г., Правам, по которым судится малороссийский народ 1743 г., а также другим источникам уголовного законодательства.

Ключевые слова: земля, уголовно-правовая охрана, уголовная ответственность.

Постановка проблемы. Комплексное научное исследование уголовной ответственности за преступления в сфере земельных отношений вряд ли может претендовать на признание его полным и всесторонним при отсутствии анализа истории развития данной ответственности на протяжении всех этапов становления украинской государственности. В этом контексте большой научный интерес вызывает и изучение механизма уголовно-правовой охраны земельных ресурсов, который действовал в Украине во времена пребывания значительной части ее современных территорий сначала под влиянием, а затем и в составе российского феодального государства (XV – начало XIX века).

Актуальность темы. Некоторые аспекты рассматриваемой проблематики изучались такими учеными, как А.А. Гостев, В.Е. Рубаник, Т.Б. Саркисова, Р.В. Хомутов.

Итак, **целью статьи** является углубленный анализ состояния уголовно-правовой охраны земельных ресурсов в Украине во времена пребывания значи-

тельной части ее территории в составе российского феодального государства.

Изложение основного материала исследования. Как известно, весомое влияние Москвы украинские земли начали ощущать уже в XV веке. В это время среди законодательных актов Московского государства, призванных обеспечивать права на землю, важное место занимал Судебник 1497 г. Этот нормативно-правовой акт синтезировал положения Русской Правды, а также многочисленных сводов законов, действовавших на разных территориях Киевской Руси в период феодальной раздробленности (например, Псковская и Новгородская судные грамоты). В разделе «О межахъ» (ст. 62) отмечалось: «А кто сорет между или грань ссечет ис царевы и великого князя земли у боярина или у монастыря, или боярской у монастырского, или монастырьско у боярского, ино того бити кнутом, да исце взяти на немь рубль» [1, с. 14–15]. Далее в этой же статье указывалось следующее: «А христiane про-межь селян одной волости или в селе, кто оу кого между переорет, или переко-

силь, ино Волостелемъ или Поселскому имати на томъ заборанъ по два алтына» [1, с. 14–15]. Как мы видим, законодатель четко дифференцирует ответственность в зависимости от сословной принадлежности пострадавших: за нарушение права собственности простых крестьян устанавливался лишь незначительный штраф, в то время как за нарушение земельных прав царя, бояр или монастырей, кроме значительного штрафа, к виновному применялся и такой новый особый вид наказания, как «торговая казнь» – битье кнутом с обязательным возмещением вреда истцу. Объясняется это тем, что с XIII века до середины XIV века основное значение приобретает крупное землевладение и боярская вотчина, или боярщина-сеньория. Мирское самоуправление сохраняется уже в ослабленном значении: оно живет под рукой боярина на его земле [2, с. 149].

Кроме проанализированных выше предписаний, связанных с нарушением прав на землю, Судебник 1497 г. включал в себя и ст. 61, которая предусматривала ответственность за особый вид бесхозяйственного использования земель. В частности, в исследуемом запрете указывалось: «А промежи сель и деревень городити изгороды по половинамъ; а чью огородою учинится потрава, ино тому платити, чья огорода» [3, с. 104]. Как мы видим, обязанность возмещать ущерб от «потравы» полностью возлагается на то лицо, которое было обязано установить ограждение, – «тот, чья земля ораная пашня къ пожнь» (владельца посевной земли, которая граничит с косами) [4, с. 101].

Преемником Судебника 1497 г. выступил Судебник 1550 г. Но этот документ, по сравнению со своим предшественником, практически никаких существенных новелл об ответственности за нарушение земельно-правовых норм не содержал, поскольку ст. ст. 84, 86, 87 Судебника 1550 г. фактически дублируют положения ст. ст. 61–63 Судебника 1497 г.

Собранием законов феодальной России в дальнейшем стало Соборное Уложение 1649 г. В специальных исследованиях отмечается, что, в отличие от ранее действовавших законов, этот документ отличается широтой охвата различных сторон реаллий того времени (экономики, форм землевладения, классово-сословного строя, материального и процес-

суального права и т. д.), лучшей структурированностью и неизмеримо большим объемом Уложения, в сравнении с другими историческими памятниками [5, с. 3–4].

Так, в ст. ст. 231–237 гл. X «О суде» этого документа нашли свое закрепление известные со времен Киевской Руси нормы о запрете порчи межевых знаков [6, с. 147]. В то же время учеными обращается внимание на то, что в связи с развитием земельных отношений Уложение четко дифференцирует ответственность за случайное нарушение меж (ст. 234) и такие же деяния, совершенные с прямым умыслом на завладение землей (ст. 231) [7, с. 160]. Кроме того, в ст. 231 нашла свое дальнейшее проявление заложенная предшественниками Уложения тенденция к дифференциации ответственности за уничтожение межевых знаков в зависимости от субъекта нарушенного права: если за «порчу писцовой межи или выметание столбов, или высечение граней, или заравнивание ям, или перепашку земли государевой или вотчинниковой, или помещиковой» предусматривалось наказание в виде «нешадного битья кнутом», соединенного с «неделей тюрьмы и за всякую грань по пяти рублев» и восстановлением предыдущего состояния земельного участка, то за аналогичные действия в отношении земли «крестьян» – простое битье кнутом и восстановление предыдущего состояния земельного участка.

Анализируя регламентацию Уложением ответственности за нарушение земельного законодательства, ученые отмечают ее комплексный характер, ведь в сфере защиты прав земельной собственности и объектов сельскохозяйственного производства тесно переплетались предусмотренные законом уголовная и гражданская ответственность [5, с. 254]. Показателен следующий пример.

Кроме традиционных норм, связанных с уничтожением межевых знаков, в борьбе с нарушениями прав на землю важную роль начинают играть предписания, охраняющие права владельцев от насильственных захватов земли. В ст. 211 отмечалось: «А будет кто похочет чюжю землю завладети насильством, и для того ту чюжю землю хлебом посее, и учнет ту землю называти своею землею» [6, с. 143]. Подобные действия наказывались и ст. 233, в которой указывалось: «А будет кто у кого на-

сильством отымет землю или межи или грани переделает <...> та чюжя земля взяв отдати тому, у кого отнял, да на нем же доправити владенье по государеву указу, а за насильство учинити наказание, что государь укажет» [6, с. 147]. То есть, если за насильственное завладение чужой землей путем засева ее хлебом (ст. 211) предусматривалась гражданско-правовая ответственность (передача хлеба владельцу земли и двойное возмещение вреда в исключительных случаях), то за аналогичные действия, совершенные другими способами (ст. 233), – уголовная ответственность с назначением наказания, которое сочтет нужным применить государь.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Уложении едва ли не впервые устанавливалась ответственность за действия, которые в современной юридической литературе трактуются как использование земельного участка без правоустанавливающих документов. В частности, в ст. 53 гл. XVI «О поместных землях» отмечалось: «А которые люди учнут бити челом Государю о выморочных поместьях после отцов дети, или иные родственники, и иных родов, и те им выморочные поместья будут помечены, а Государевых грамот те люди по пометам на те свои поместья не возьмут многое время, и учнут они теми поместьи и владети без Государевых грамот <...> И таких поместей у тех людей <...> не отымать, а велеть им на те свои поместья имать Государевы грамоты. А за то, что они на те свои поместья грамот не возьмут многое время, имати на них с тех грамот печатные пошлины вдвое» [7, с. 214]. Как мы видим, уже более 350 лет назад тогдашний законодатель, с одной стороны, предусмотрел ответственность за чрезвычайно распространенные и ныне случаи использования земельного участка наследниками без государственной регистрации прав на такой земельный участок, а с другой – дал четко понять, что такие действия не являются нарушением права собственности на землю, о чем, в частности, свидетельствует характер санкции за соответствующее правонарушение. К сожалению, современные украинские парламентарии подобными законодательными «достижениями» похвастаться не могут.

Учеными отмечается, что, кроме вышеуказанных, Соборное Уложение 1649 г. предусматривало ответственность

и за другие деликты в сфере земельных отношений: нарушение порядка землеустройства вотчинами и поместьями, нарушение порядка межевания, незаконное получение земельных участков и т. п. [4, с. 102; 8, с. 268].

Как известно из истории, с середины XVI века украинские земли, находившиеся в составе Речи Посполитой, начали испытывать значительные притеснения со стороны польско-литовской шляхты, которая пыталась лишить украинское население любых социальных прав и постепенно уничтожить украинцев как нацию. Такие действия привели к многим восстаниям, апогеем которых стала национально-освободительная война 1648–1654 гг. Результатом этой войны стало образование казачьего государства Богдана Хмельницкого, которое в 1654 г., по условиям договоренностей, достигнутых на Переяславской Раде, стала под протекторат Российской империи. После же заключения в 1667 г. трагического для Украины Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой Левобережная Украина (вместе с Киевом) стала частью Московского государства, которая называлась «Гетманщина».

В дальнейшем, во времена Петра I, которые характеризуются началом активного наступления царизма на украинскую государственность, создается централизованная система государственного контроля оборота недвижимого имущества, в том числе земли. После издания Указа Петра I от 30 января 1701 г. «Об обращении совершения всякого рода сделок» регистрацию сделок с недвижимостью стали осуществлять закрепощенные писцы, которые переводились на государственную службу. Они работали под руководством специально назначенных надзирателей. Контроль над регистрационной деятельностью осуществлял специальный государственный орган – Оружейная палата [8, с. 11].

Постепенно начав уничтожать суверенитет украинского государства фактически с первых лет после подписания Переяславских статей и значительно активизировав этот процесс в начале XVIII века, уже во второй половине XVIII века российская сторона достигла своей цели – автономии Украины, которую она обязывалась уважать, было фактически уничтожено, а большая часть территорий нашего государства стала составной частью Российской империи.

Впрочем, для того чтобы упорядочить законодательство и одновременно утвердить свое господство на территории Украины, российскому государству было не достаточно выдавать те или иные локальные нормативно-правовые акты, которые могли регулировать только узкий круг общественных отношений, – все более очевидной становилась необходимость создания качественно новой правовой системы, которая бы закрепила новый общественно-политический строй в Украине, или же в Малороссии. Примечательно, что такие имперские планы полностью совпадали и с настроениями украинской господствующей верхушки, которая через кодификацию пыталась уравниваться в правах с российским дворянством. Объясняя этот факт, историки отмечают, что во второй четверти XVIII века в Украине начало появляться большое землевладение и украинская старшина стремилась закрепить за собой не только властные полномочия, но и право собственности на землю и другие привилегии [9, с. 197].

С этой целью 22 августа 1728 г. создается кодификационная комиссия, которая в 1743 г. закончила работу над сборником «Права, по которым судится малороссийский народ» (далее – «Права»). Содержание этого Кодекса украинского права составляли нормы Литовского статута, немецкое право, текущее гетманское законодательство, отдельные нормы казачьего обычного права.

Неудивительно, особенно с учетом содержания тех источников, на которые опирались авторы «Прав» при наработке его положений, что и в рассматриваемом собрании законов охрана земельных ресурсов в основном реализовывалась путем установления ответственности за различные нарушения прав на землю.

В частности, в п. 1 арт. 11 гл. 17 «О делах земских» отмечалось, что «когда которые от вишняго до нижняго чина персони <...> хотели бы одинь другого перешедь грань или между въ грунтъ его вступать, тогда надлежитъ обидимой стороне за то на противную свою сторону въ судъ надлежачий по порядку права челобитствовать» [10, с. 511]. Артикулом же 14 этой же главы предусматривалась ответственность за повреждение границ земельного участка, которое относилось к имущественным преступлениям.

Примечательно, что, как и в Соборном Уложении 1649 г., в «Правах» четко прослеживается дифференциация ответ-

ственности в зависимости от личности нарушителя, а также в зависимости от того, чьи права на землю нарушаются. Так, в п. 1 арт. 14 «шляхтичу или звания воинского человеку» за «вижеганіе огнем или вирубаніе грани, розкоп копец или присвоение себе больше грунту», равному себе, устанавливалось наказание в виде штрафа в размере 12 рублей, а за «переорание межжи» – 3 рубля; за аналогичные же действия в отношении посполитого штраф составлял всего 3 и 1 рубль соответственно [10, с. 514].

А вот в артикулах 16 и 17 гл. 17 «О делах земских» была реализована идея о дифференциации ответственности в зависимости от формы вины: если вспашка и засеивание чужой земли «с неведения» наказывались только потерей соответствующего посева (п. 1 арт. 17), то за умышленный посев хлеба на чужой земле, кроме потери посева, предусматривался еще и штраф в размере 12 рублей (п. 1 и п. 2 арт. 16). Нашла свою отдельную регламентацию и ответственность за такие правонарушения, как вспашка чужой засеянной земли (п. 2 арт. 17) и своеобразное проявление самоуправства – «упрямая» вспашка земли, в правах на которую виновному было отказано и которая была передана другому лицу (п. 3 арт. 17) [10, с. 516–517, 519–520].

Следует отметить, что, в отличие от норм ранее действовавшего законодательства, в «Правах» не просто перечислялись различные способы завладения чужим земельным участком, а непосредственно указывалось на запрет именно «самовольного» завладения землей: «Кто бы сомовольно, паче же когда би на то оть соседа или судовое запрешеніе било, чужую соседскую землю, или какими грунтами <...> завладелъ» [10, с. 557]. Примечательно, что, несмотря на более чем очевидное сходство объекта этого посягательства с объектами ранее рассматриваемых деликтов (в частности, уничтожением межевых знаков и умышленным посевом на чужой земле), ответственность за такие действия была предусмотрена не в гл. 17, а в гл. 19, в которой были аккумулированы многие запреты, посвященные защите прав на землю. Отметим, что в случае доказательства вины правонарушитель должен был не только вернуть неправомерно занятую землю, но и отдать собственной земли или почвы ровно столько же, сколько было самовольно занято (арт. 17).

В п. 2 арт. 17 гл. 19 «Прав» едва ли не впервые упоминается и о таком земельном правонарушении, как строительство на чужом земельном участке: «А кто бы на чужой земле мимо воли и ведома правильного владельца самовольно что построил, то и оно строение совсем при томъ владельцу чья земля быть должно». Если же лицо, соорудившее здание, имело разрешение правительства или добросовестно считало землю «пустой», то оно имело право или на вознаграждение (в случае, когда построенное сооружение было каменным) или же на перенос соответствующего сооружения на свой земельный участок (если здание было деревянным).

Как и Соборное Уложение 1649 г., «Права» также предусматривали ответственность за целый ряд нарушений в сфере межевания земель (недопущение межевика для осуществления межевания, споры с межевиком за установление меж, неосуществление межевания межевиком в установленный период и т. д. [4, с. 103]) и некоторые разновидности незаконного пользования землями водного фонда (арт. арт. 3, 4, 6 гл. 19).

Во времена пребывания у власти императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II вопрос о межевании земель, а соответственно, и об ответственности за земельные правонарушения, решался порозному.

При Елизавете Петровне едва ли не впервые ставится вопрос о необходимости упорядочения земельных отношений и недопустимости такого способа приобретения прав на землю, как самовольный, а тем более насильственный, ее захват. Так, Инструкция от 13 мая 1754 г., еще известная как елизаветинская, устанавливала два принципиальных положения: 1) обязательную во всех случаях проверку права земельного владения; 2) недопущение общего (черезполосного) владения землей [11, с. 8].

А вот утвержденный Екатериной II Манифест от 19 сентября 1765 г. «О Генеральном межевании земель Российской империи», положения которого были подробно развиты в инструкциях от 13 февраля и 25 мая 1766 г., вместо обязательной проверки поземельных прав владения устанавливал правило так называемых полюбовных расходов, а вместо межевания земель, привязанного к именам владельцев, вводил межевание,

связанное исключительно с названиями «дач» [11, с. 9–10].

В то же время должны отметить, что в Инструкции межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам, утвержденной вышеуказанным Манифестом, содержалась отдельная гл. 27, которая была целиком посвящена именно мерам по противодействию самовольному захвату земли и называлась «О насильно завладеваемых землях и в исках за то». При этом как Манифест, так и утвержденная им Инструкция подтверждали право собственности на захваченные ранее земли, кроме тех случаев, когда иное лицо на основании предъявленных им «крепостей», удостоверяющих его право на соответствующий земельный участок, подаст иск об устранении препятствий в осуществлении права собственности на землю (своеобразная разновидность негаторного иска) (п. 6 гл. 4) [12, с. 6]. А вот в п. 3 указанной главы отмечалось, что, если во время проведения генерального межевания будут выявлены факты поселения лица без «всяких дач и крепостей на посторонних владельческих землях», то все такие земли вместе с деревнями, крестьянами, заводами и хлебом передаются тем лицам, которые имеют «дачи» на соответствующие земельные участки [12, с. 88].

С целью же недопущения проявлений самовольных захватов земель в будущем в п. 11 гл. 4 Инструкции говорилось о том, что в случае выявления соответствующего факта после принятия Манифеста и проведения Генерального межевания на лицо, завладевшее землями, не принадлежащие ему в соответствии с утвержденными планами и межевыми книгами, возлагается обязанность не только вернуть захваченную землю, но и возместить двойную стоимость «пашенных земель» [12, с. 90].

С течением времени все больше положений «Прав» подвергалось критике и все чаще раздавались призывы о необходимости принятия нового, более совершенного закона. Результатом этого стало принятие «Собрания малороссийских прав 1807 г.», которое отмечалось лучшей, по сравнению со своим предшественником, систематизированностью и более детальным регулированием общественных отношений, в том числе и относительно защиты прав на землю. В частности, в ст. 55 рассматриваемого документа отмечается, что «которые люди

отъ вышшаго даже до нижшаго чина, какъ духовные такъ и мирскіе имеютъ имения, людей, земли <...> и похочеть одинъ у другого перешедши грань или между вступить въ землю, или въ крестьянъ и отымать земли <...>, то обидимая сторона имеетъ за то противную свою сторону въ надлежащій судъ по порядку сего статута позвать» [13, с. 194].

Выводы. По итогам написания статьи следует сделать вывод о том, что в законодательных актах феодальной России проблеме уголовно-правовой охраны земельных ресурсов уделялось значительное внимание. В анализируемый этап развития украинской государственности ответственность за земельные деликты преимущественно выступала в качестве инструмента защиты прав собственников земли, а сами нарушения прав на землю признавались разновидностью имущественных посягательств. Также следует отметить и то, что, если в Судебниках 1497 и 1550 гг. и в Соборном Уложении 1649 г. основным видом нарушения прав на землю признавалось такое деяние, как «уничтожение или повреждение межевых знаков», то уже в «Правах, по которым судится малороссийский народ» 1743 г., непосредственно указывалось и на такой земельный деликт, как «самовольное завладение землей». В дальнейшем же, особенно с учетом постепенного упорядочения земельных отношений, основной акцент в уголовно-правовом механизме охраны земельных ресурсов был смещен именно на сторону борьбы с проявлениями самовольных, и особенно насильственных, захватов земли.

Список используемой литературы:

1. Законы Великаго князя Иоанна Василіевича и Судебникъ Царя и Великаго князя Иоанна Василіевича съ дополнительными указами. – М. : Въ Сенодальной Типографіи, 1878. – 76 с.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / Н.П. Павлов-Сильванский. – М. : Наука, 1988. – 696 с.
3. Владимірській-Будановъ М.Ф. Христоматія по исторіи русскаго права / М.Ф. Владимірській-Будановъ. – 2 вып., 3-е изд., дополн. – К. ; С.-Петербургъ : Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1887. – 272 с.
4. Саркісова Т.Б. Відповідальність за порушення земельно-правових

норм: історія розвитку українського законодавства (від «Руської правди» до 1918 р.) / Т.Б. Саркісова // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2008. – № 9. – С. 99–105.

5. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А.Г. Маньков ; отв. ред. К.Н. Сербина. – Л. : Наука, 1980. – 271 с.

6. Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года / П.П. Епифанов, М.Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 431 с.

7. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М. : Государственный изд-во юрид. л-ры., 1957. – 503 с.

8. Гостев А.А. Генезис содержания состава регистрации преступлений в сфере незаконных сделок с землей / А.А. Гостев // Труды Современной гуманитарной академии. Юриспруденция. Философия. Филология. – 2009. – Вып. 1. – С. 5–23.

9. Історія українського права : [посібн.] / [І.А. Безклубий, І.С. Гриценко, О.О. Шевченко та ін.] ; за ред. І.А. Безклубого. – К. : Грамота, 2010. – 336 с.

10. Права по которымъ судится малороссійскій народъ, Высочайшимъ всепресветлейшія Великія Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійскія, Ея императорскаго священнейшаго Величества повеленіемъ / под редакцію и съ приложеніемъ изслѣдованія о семь Сводъ и о законахъ действовавшихъ въ Малороссіи профессора А.О. Кистяковскаго. – К. : Въ университетской типографіи (І. І. Завадзкаго), 1879. – 844 с.

11. Законы Межевые / составилъ Ю.Д. Филиповъ. – С.-Петербургъ : Изданіе Юридическаго Книжнаго Магазина Н.К. Мартынова, 1898. – 651 с.

12. Інструкція межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ канторамъ. Утверждено Указомъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, Правительствующею Сената изъ межевой экспедиціи отъ 19 сентября 1765 г. – С.-Петербургъ : Печатано при Сенате ; М. : Сенатская Типографія, 1766. – 104 с.

13. Собрание малороссійскихъ правъ 1807 г. / сост. К.А. Вислобоков и др. – К. : Наукова думка, 1992. – 368 с.

INNOVATIVE METHODS OF TERRITORIAL COMMUNITIES DEVELOPMENT

Oleksandr MOCHKOV,

Postgraduate Student at Department of Regional Governance,
Local Government and Urban Management
National Academy for Public Administration under the President of Ukraine,
People's Deputy of Ukraine of the VII convocation

Summary

The innovative methods of territorial communities development are represented in the article. The author stated that the innovative methods of territorial communities development included the program-target approach, which was one of the most common among the modern administrative management methods, and was also provided in the regulatory documents of the legislative and executive authorities. In the perspective to solve the problems of territorial communities development, they implement the plans and programs of complex socio-economic development with obligatory participation of local public organizations representatives or just citizens interested in the development of the local community.

Key words: territorial community, program-target approach, programs of socio-economic development, administrative management, public organizations, innovative management methods.

Аннотация

В статье рассматриваются инновационные методы развития территориальных общин. Автор отмечает, что к инновационным методам развития территориальных общин можно отнести программно-целевой подход, который является одним из наиболее распространенных среди современных методов административного менеджмента, а также предусматривается в нормативно-правовых документах органов законодательной и исполнительной власти. В целях решения проблем развития территориальных общин ими принимаются планы и программы комплексного социально-экономического развития при обязательном участии представителей местных общественных организаций или просто граждан, заинтересованных в процессе развития местной общины.

Ключевые слова: территориальная община, программно-целевой подход, программы социально-экономического развития, административный менеджмент, общественные организации, инновационные методы управления.

Formulation of the problem. One of the modern administration characteristics is innovative type of administrative management, when the share of knowledge as a primary resource is constantly increased in the end product. Such type of management becomes effective nowadays. It provides the achievement of maximum economic, managerial and social effect, ensuring the progressive development of the municipality and improving the level and quality of population life in the process of planning, organization, motivation and control quickest possible and with minimum cost. Also, this kind of innovative development should be carried out in the certain legal framework, formed by the legislative authority with the filing or on the initiative of the Cabinet of Ministers of Ukraine. Development of local communities is difficult to perform without innovative approach. Therefore,

the innovative methods of socio-economic activity of the local communities should be worked out for their development.

The relevance of the topic is substantiated by the degree of scientific development of the issue. Nowadays, there are no fundamental studies concerning methods of innovative development, primarily the consolidated territorial communities, where their mechanisms of action and implementation, especially with the participation of the public sector – the elements of civil society would be revealed in detail.

Scientific analysis of the problem in realization of innovative methods of territorial communities development in Ukraine have been carried out by many native scientists, namely S. Arkhiereiev, O. Bobrovska, V. Heiets, V. Huseiev, T. Savostenko, L. Hopkinson, I. Chykarenko and others. It should be also mentioned the fundamental works of V. Guseiev and